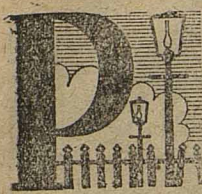

А. М. ДОБРОУМОВ

ТАГАНРОГ — РОДИНА ЧЕХОВА

одной город!
«Во всех домах и на улицах — тишина, спокойствие, из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмущался. Наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье...

Родина!

В темных очках, с зонтиком в чехле, с поднятым воротником, с заложенными ватой ушами, тревожный и раздражительный, шаркает галошами по пыльной улице «антропос» Беликов, человек в футляре. И люди боятся его, «боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книгу, помогать бедным, учиться грамоте». А на базарной площади, угрожающе целевая бровями, врывается в толпу полицейский надзиратель Очумелов и рычит:

— «По какому это случаю тут? Почему тут? Кто кричал?».

Счастливая пора детства!

Дома «когда бил меня отец, я должен был стоять прямо, руки по швам и глядеть ему в лицо». А в школе калечили детей страшные люди в футлярах, Беликовы, и там был «не храм науки, а управа благочиния и кислятиной воняло, как в полицейской будке».

И недоуменно звучал вопрос:

— «К чему, спрашивается, рождаются и живут вот эти самые дети? Есть ли хоть какой-нибудь смысл в их существовании? Вырастут, сами не зная для чего, проживут без всякой надобности и помрут...»

Всю жизнь помнил о своей родине, о своем родном городе, о неизгладимых впечатлениях проведенного здесь детства, таганрогский уроженец **Антон Павлович ЧЕХОВ**. Слова недоумения и проклятия, жалости и гнева в отношении своего родного города и его обитателей десятки раз вкладывал Чехов в уста своих персонажей.

— «...В городе душно и скучно жить. У общества нет высших интересов, оно ведет тусклую бессмысленную жизнь, разнообразия ее насилем, грубым развратом и лицемерием. Подлецы сыты и одеты, а честные питаются крохами... Ищи справедливости и защиты в этом маленьком, грязном городишке, за двести верст от железной дороги».

Словами жгучими и несмываемыми, как выжженное на лбу клеймо, отметил Антон Павлович свою родину, старый купеческо-мещанский Таганрог, «город лавочников, трактирщиков, ханжей, где нельзя было найти ни одного честного человека, где «читали очень мало и если бы не девушки и не молодые евреи, то хоть закрывай библиотеку», где «протестовала только немая статистика» цифрами сошедших с ума, опившихся водкой, погибших от голода среди икающей купеческой сытости и где попы устрашали людей надписью на кладбищенских воротах:

Грядет час...

И час пришел. Не поповский загробный час, а час гибели сгнившего на корню строя, час торжества пролетарской революции. Исполнилось и то, о чем смутно, сбивчиво и неясно мечтали многие из чеховских героев. Пришла очистительная буря, «уничтожающая лень, равнодушие к труду, гнилую скуку», — буря, о которой мечтал в «Трех сестрах» Тузенбах. И «невероятно прекрасная, изумительная жизнь», которую Вершинин отодвигал на сто-двести лет, пришла гораздо скорее, в октябрьских грозах, в безудержном горюхе миллионов трудящихся, создающих социализм.

Дайте руку, Антон Павлович! Вот знакомые вам места детства. Вы родились в наивной простоватой мазанке на Полицейской улице. Здесь, на пустырях, маленький Антоша «ловил чижей по-таганрогски, на принадле», здесь суровый отец вдвигал в детскую голову мрачную вековую ложь библии, часослова, молитвенника, начал «учить, а по-просту говоря, бить с пяти лет», запрещал играть и шалить. И чувствовал себя Антоша вместе с братьями — «маленьким каторжником». Чеховским именем пролетариат назвал бывшую Полицейскую улицу и бережно охраняет на ней старую мазанку, напоминающую о детских годах писателя.

Вы вспоминаете, Антон Павлович, казарменное здание классической гимназии, где двери классов были, как в тюрьме, с глазками для неусыпных церберов-надзирателей, и в классе прототип «человека в футляре», учитель греческого языка, грозно поднимая палец, вопрошал притихших учеников:

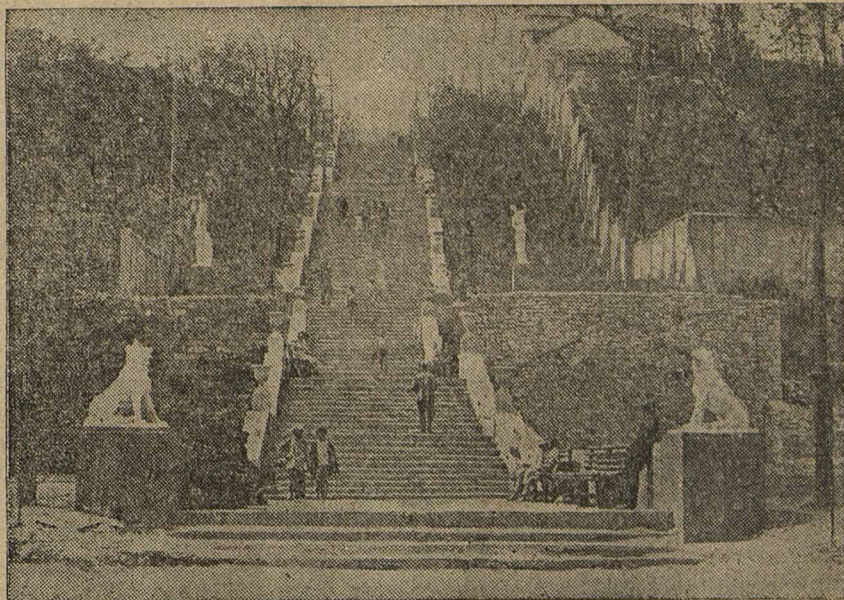
— «Что есть антропос?»

Здесь сегодня — колыбель изумительных вещей. Здесь городская детская станция, и дети, свободные от отупляющей схоластики, чувствуя себя хозяевами земной планеты, учатся покорять природу. И расцветают на таганрогской земле невиданные экзотические растения с обильными плодами, дети успешно овладевают способами регулировать на земле солнечный свет, и армия маленьких изобретателей вдохновенно строит чудесные машины и небывало расцветает творческая мысль юных натуралистов и техников. Недавно дети принесли образцы своих побед над природой в здание, где бережно хранятся ваши книги, и старики, учившиеся вместе с вами у «людей в футлярах», писали в книге посетителей изумленные и лирические строки о том, как чудесно жить в обновленном мире.

Вст угол Монастырской и Ярмарочной улиц. Одна из этих улиц носит теперь имя крупнейшего борца за новый мир, другая — имя величайшего из писателей, заклеймивших, как и вы, Антон Павлович, паразитарную скуку старого мира. Здесь в бакалейной лавочке отец хотел приучить Антошу к купеческой сноровке и меньше всего думал о том, что дела его сына будут достоянием веков, что слово его сына прозвучит жестким приговором всему старому миру и войдет в золотой фонд культуры, унаследованной теперь строителями новой жизни. Против бывшей лавочки таганрогского купца Павла Егоровича Чехова — расцвела огнями городская понизительная электростанция и гудит за стеклами маховик трамвайного конвертера.

Вы писали, Антон Павлович: «В электричестве больше человеколюбия, чем в толстовском непротивлении и вегетарианстве». И горько посмеялись вы над отставным регистратором Жигаловым, который философствовал, что «электрическое освещение — одно жульничество, всунут туда угольки и думают глаза отве-сти».

Мы можем ехать на трамвае к любому месту вашего отдыха, Антон Павлович. Вы помните, как ночью, ваш герой, опустошенный жизнью, инженер Ананьев добирался из «Караantina», «самого поэтического уголка», в город, как пугался он четырех верст темного пустыря, поросшего гам и сям чахлыми деревьями и кустами. На пустыре этом сейчас — мощные гиганты социалистической индустрии. На пустыре этом — вырос новый город — Красный рабочий городок, где вечерами в семье плотника Дудникова, запросто гостят Шуберт, Моцарт и Чайковский, где сидящий рабочий поэт и писатель Шноор неутомимо изучает изумительную простоту и выразительность

Каменная лестница в 1935 году.

чеховского стиля, где не хватило пяти вечеров, чтобы прослушать людей, которым станок не мешает, а помогает овладевать вершинами искусства и человеческой культуры.

Вы могли бы побывать, Антон Павлович, в десятках рабочих клубов, школ, ВУЗ'ов, техникумов, библиотек, где люди, именовавшиеся «рабами и варварами» итурмуют высоты науки и искусства. Вы могли бы оценить по достоинству театр, — сейчас он один из лучших в крае, театр, где гимназист Чехов, загримировавшись от неусыпной слежки «людей в футлярах», постигал впервые законы сценического действия.

Вы недоуменно и с тоской спрашивали:

— Чем занимаются шестьдесят тысяч человек этого города?

И не находили ответа.

Сейчас сто шестьдесят тысяч населения вашего родного города беззаветно и радостно, с нарастающим упорством и нарастающей радостью, прокладывают путь от победы к победе, путь к развернутому социалистическому обществу. Неслыханными темпами растет социалистическое богатство, потому что навсегда погребен волчий кровавый закон частной собственности, двигавший людьми старого мира. Вы помните, как в вашем «Крыжовнике» купец, умирая, приказал перед смертью подать себе тарелку меда и сел все свои деньги и выигрышные билеты вместе с медом, чтобы они никому не достались, как барышник, по пав под локомотив, потерял ноги и беспокоился только об одном, как бы не пропали в сапоге, на отрезанной ноге, спрятанные в голенище двадцать рублей.

Волчьему закону пришел конец.

Коллективными усилиями создается социалистическая собственность, социалистическая индустрия, социалистическая культура, социалистический быт. И новый, радостный мир, считает своим Антоша Чехова. Память об умном и проникательном художнике, жившем в эпоху безвременья и заклеймившем несмываемым клеймом многоликое мещанство, остатки которого живы и до сих пор, — память о крупнейшем мастере культуры живет в пролетарском городе. Тысячи людей приходят туда, где хранятся собранные Чеховым с такой заботливостью книги, приходят с неутолимой жадностью знаний. И собранные Чеховым книжные сокровища преумножаются коллективными усилиями масс, которые несут сюда тысячи книг.

Умер гнилой город «лавочников, трактирщиков, ханжей». На вашей родине, Антон Павлович, вырос город социалистической индустрии и социалистической культуры.

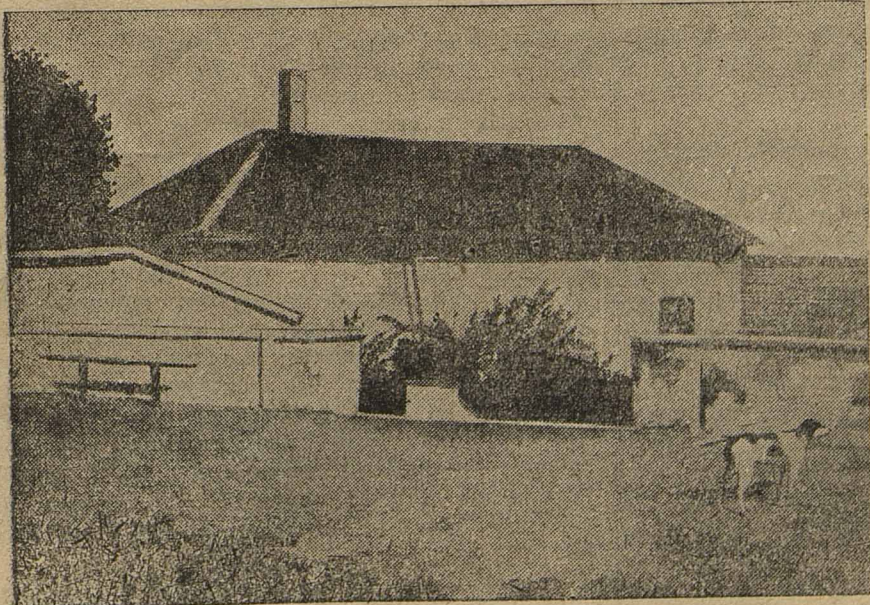
Эту родину нельзя не любить пылкой, неугасимой, страстной любовью, ибо она — часть СССР — родины трудящихся всего мира.

Когда-то Антон Павлович мечтал:

— «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные...»

Это было слишком өкранным и утопическим мечтанием. А сейчас победный гул работы десятков миллионов, строящих социализм, напоминает ежечасно, ежеминутно, остаткам старого мира, что пришел конец владычеству сытых над голодными, что история вынесла уже свой приговор над миром «лавочников, трактирщиков и ханжей».

От автора: Цитаты, не оговоренные в тексте, взяты из произведений А. П. Чехова, написанных по таганрогским впечатлениям. Это — «Моя жизнь», «Палата № 6», «Человек в футляре», «Крыжовник», «Ионыч», «Огни», «Свадьба» и другие.

Каменная лестница во времена Чехова.